

УДК 13

Т. В. Кононенко

доктор філософських наук, доцент,
доцент кафедри документознавства, філософії та філологічних дисциплін
Буковинського державного фінансово-економічного університету

ПРОБЛЕМА САМОТРАНСЦЕНДЕНЦИИ: ПОЛ И ПОЛОВАЯ ЛЮБОВЬ

Безусловно, человек является собой синтез двух процессов: социализации и индивидуализации. С одной стороны, он нацелен на общение, с другой – время от времени ощущает себя непонятым и одиноким. Он испытывает потребность в единстве и гармонии с окружающим миром и одновременно осознает невозможность ее полной реализации.

Возникает вопрос: является ли пол и половая любовь выходом из данной ситуации? Для представителей русской религиозной философии это один из стержневых вопросов, поскольку затрагивает и сущность, и существование человека. Любовь предстает здесь как смыслодержатель стержень жизни, наиболее адекватная человеку, личности форма экзистенции, при которой восстанавливается изначальное единство и достигается бессмертие.

Сегодня философия любви является актуальным и перспективным направлением, которое не только актуализирует проблемы экзистенциального порядка, но и предлагает путь их эффективного разрешения. Любовь – основа диалогических отношений, которая обеспечивает полноту, содержательность и гармоничность жизни. В любви человек культивирует уважение, понимание, сочувствие, что способствует гуманизации общественных отношений, стимулирует созидательные тенденции во всех сферах жизнедеятельности. Акцентирование данной проблемы способствует определению причин и следствий кризиса традиционных ценностей, путей выхода из антропологического и аксиологического кризиса, решению проблемы противостояния полов.

Проблема любви находится в центре внимания В.А. Малахова (любовь как форма экзистенции), В.Э. Туренко (историко-философский анализ, соотношение любви с другими экзистенциалами), Н.В. Хамитова (линия мета-антропологии и андрогин-анализа). Проблема пола и гендера представлена в работах О.Е. Гомилко, В.И. Жулай, С.А. Кривой, В.А. Суковой. На наш взгляд, дискуссионными остаются вопросы понятийно-категориального аппарата. Недостаточно разработанными являются линии соотношения базовых ценностей (свободы и любви), аксиологической наполняемости любви (компоненты, их определение и анализ), сублимации любви (стадии развития).

Целью статьи является анализ проблемы пола и половой любви в русской религиозной философии.

В.С. Соловьев определяет любовь в собственном смысле как «исключительное индивидуализованное и экзальтированное половое влечение», акцентируя тем самым на половой любви, ее индивидуальном, избирательном характере. Это определение становится знаковым для всех русских религиозных философов. Представители и ортодоксально-богословского, и неоплатонического направлений принципиально противопоставляют индивидуальное и родовое начала, разграничивают любовь и размножение. Они постулируют необходимость сублимации ценностей, сублимации любви, представляя четырехступенчатую концепцию любви. Первая ступень – культивирование любви к собственной персоне. В.С. Соловьев пишет: «... всякий человеческий субъект как самостоятельный центр живых сил, как потенция (возможность) бесконечного совершенства, как существо, могущее в сознании и в жизни своей вместить абсолютную истину, – всякий человек в этом качестве имеет безотносительное значение и достоинство, есть нечто безусловно незаменимое...» [6, с. 138].

Человек должен любить себя, понимать свою ценность. Не зная любви к себе, он не в состоянии любить другого человека. Философ справедливо констатирует: «Непризнание за собою этого безусловного значения равносильно отречению от человеческого достоинства; это есть основное заблуждение и начало всякого неверия: он так малодушен, что даже в самого себя верить не в силах, – как может он поверить во что-нибудь другое?» [6, с. 138–139]. Вторая ступень – половая любовь. Для представителей неоплатонического направления это любовь по преимуществу, не только тип, но и идеал любви. Это основание истинной жизни, где имеет место восстановление андрогина, соединение двух ограниченных созданий – мужчины и женщины – в одну абсолютную личность. На третьей ступени человек осознает свою причастность к человеческому роду: «Действительно спастись, т. е. возродить и увековечить свою индивидуальную жизнь в истинной любви, единичный человек может только сообща или вместе со всеми» [6, с. 172]. Наконец, четвертая ступень – сизигия – соединение со всем сущим. Здесь реализуется конечная цель любви. Соединяясь со всем сущим, человек соединяется с Богом. Спасение и воскресение как конечная цель любви возможны лишь при перерождении всего сущего, при всеобщей сизигии. На данных четырех ступенях человек сублимирует, то есть трансформирует и возвышает свою любовь. Жертвуя эгоцентризмом, он оправдывает и спасает свою собственно человечность, реализовывает смысл любви.

С точки зрения Н.А. Бердяева, проблема пола – основная для антропологии. Пол охватывает и характеризует всего человека, кладет свою печать на каждое из действий. По своей природе человек есть не только половое, но и бисексуальное создание. Он совмещает в себе в разной пропорциональности мужской и женский принципы: мужской – преимущественно антропологический и личный, женский – космический и коллективный. Данные принципы находятся в постоянном конфликте. Имеет место двойное противостояние: внутреннее (мужской и женский принцип) и внешнее (мужской и женский пол). «Антропология мужская совершенно отличается от антропологии женской, психология мужская совершенно отличается от психологии женской. Тут с трудом возможно взаимное понимание, оно затруднено страшной и жестокой борьбой» [1, с. 108]. Одной из неотъемлемых составляющих смыслового стержня жизни каждого человека является преодоление половой раздробленности. Философ подчеркивает: «Человек по своей идее, по Божьему замыслу о нем есть существо цельное, муже-женственное, солярно-теллурическое, «логическое» и стихийное. И, лишь как существо целостное, он есть существо целомудренное, премудрое, софийное в своей целостной полноте. Как существо половое, половинчатое, разорванное, он есть существо не целомудренное, не премудрое, обреченное на дисгармонию, страстное влечение и неудовлетворенность» [1, с. 109]. Три признанных обществом состояния пола – семья, аскеза, разврат – определяются по сексуальному акту. В этом – их коренное отличие от любви. Любовь не является ни упорядочиванием сексуального акта в родовых целях, ни аскетическим отрицанием и ни развратным утверждением данного акта. Это путь, посредством которого каждый открывает в себе человека-андрогина.

Начиная с В.С. Соловьева, русские религиозные философы предлагают, по выражению Н.А. Бердяева, персоналистическую концепцию любви. Любовь – это феномен личностный, в отличие от семьи – феномена социального. Семья – ячейка благоустройства – возникает из необходимости, а не из свободы. В процессе эволюции род осознает, что это наиболее удачная форма приспособления к условиям существования и хозяйствования. Любовь же – явление внесоциальное. Она связана исключительно с личностью. Это взаимодействие личности одного человека с личностью другого человека, личности человека с личностью Бога. Род и личность всегда имеют разную направленность. Первый – нацелен на выживание, вторая – на индивидуальное бессмертие, спасение через любовь.

В традиции византийского богословия Н.А. Бердяев ведет речь о необходимости испытания свободой. Человек должен пройти и через богооставленность, и через богоотступничество. Сам Иисус Христос проходит это испытание: «... около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» [Мф. 27:46]. Эту позицию разделяет Л.П. Карсавин, который воспринимает триаду искушения, греха и зла как путь познания свободы. В этой триаде также присутствует лик Бога, имеет место своеобразная диалектика: через разрушение – к созиданию. Грех разворачивается во всю силу, уничтожает себя и становится добродетелью. В этом контексте не только целомудрие, но и разврат утверждает любовь. Если целомудрие – концентрация половой энергии, сохранение целостности, то разврат – крайняя степень ее дробления, утрата целостности. Л.П. Карсавин пишет, что и в карамазовской любви – как в «зеркале вогнутом» – отражается идея и идеал всеединой любви. Карамазовская любовь – также видение и ведение. Однако это не только видение и ведение, но и несущая сумасшествие, преступление и смерть стихия. Федор Павлович Карамазов останавливается на первой ступени сублимации любви. Он замыкается на собственном «Я», на самоуслаждении. Такое «Я» неполно и одиноко. Оно – лишь часть истинного, андрогинного «Я». Замыкаясь, оно дробит единое чувство на многочисленность мелких преходящих моментов, нарушает двуединство. Однако это многообразие разврата символизирует, по определению Л.П. Карсавина, «признаки попыток достичь полноты собиранием жалких крох и создать единство разъединенными усилиями, низвести небо в болото» [2, с. 97]. В полноте разложения исчезает замкнутость и ограниченность. Образ и подобие не есть пол. Мужское «Я» не может быть полностью отъединенным от женского «Я» и наоборот. По этой причине любовь – даже через ее отрицание – проявляет себя в каждом человеке.

Акцентируя основополагающую роль половой любви, андрогинизм в качестве идеала, представители неоплатонического направления явно нарушают каноны ортодоксального богословия. Согласно А.Ф. Лосеву, платонизм в чистом виде есть культ тела. При всей своей бестелесности идея – это смысл тела. Поскольку тело безлично, то и идея, как его смысл, безлична. Процесс созерцания идей не знаменует собой встречу личности с личностью. Тело – антипод личности. Если личность неповторима, то тело повторимо. Оно – лишь материал. Идея как смысл материала неличностна и недуховна. А.Ф. Лосев пишет, что тело живет идеями, так как само по себе оно бессмысленно. В языческом платонизме тело живет идеями телесного. Сама идея нетелесна, но это идея телесного. В итоге: языческий платонизм в чистом виде, без западных привнесений есть подлинный материализм. Он признает необходимость продолжения человеческого рода, но исключает половую любовь. Платонически рожать значит рожать без любви. Любовь к человеку заменяется любовью к идее и истине.

Такую точку зрения сложно опровергнуть. Она подтверждается текстом диалога «Государство»: «Все жены этих мужей должны быть общими, а отдельно пусть ни одна ни с кем не сожительствует. И деги тоже должны быть общими, и пусть родители не знают своих детей, а дети – родителей» [4, с. 232]. Ядром брака и деторождения является фактор «ценной породы»: «... лучшие мужчины должны большей частью соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими и что потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших – нет, раз наше стадо должно быть самым отборным» [4, с. 235]. По мнению А.Ф. Лосева, в диалоге «Пир» также отсутствует фактор любви между мужчиной и женщиной. Налицествует только любовь между мужчинами, любовь мужчины к юноше или мальчику. Это «в буквальном смысле постельное ощущение идей, созерцание идей при помощи собственного фаллоса» [3, с. 856]. Из мифа об андрогинах для мыслителя вытекают два положения: во-первых, поскольку изначально первые люди представлены тремя модификациями, то далеко не каждая рассеченная пара при воссоединении дает муже-женскую пару; во-вторых, любовь заключается в поиске одной половины другой и не обязательно мужской – женской и наоборот.

Действительно, Платон выводит три модификации человека и, соответственно, половой любви. Однако диалог «Пир» не является проповедью лишь однополой любви. Главной, на наш взгляд, выступает идея изначально целостности, единого тела и единой души: «И вот когда тела были таким образом рассечены пополам, каждая половина с возжеланием устремлялась к другой своей половине, они обнимались, сплетались и, страстно желая срастись, умирали от голода и вообще от бездействия, потому что ничего не хотели делать порознь» [5, с. 99]. Каждый человек – половина изначально целостного, затем рассеченного на две части человека. Каждый стремится найти свою половину, сделать из двух одно, восстановить свою мужскую, женскую или андрогинную природу и сущность. В этих условиях любовь – жажда, стремление к целостности. Думается, Платон не зря пишет: «... а умереть друг за друга готовы одни только любящие, причем не только мужчины, но и женщины» [5, с. 88]. Вряд ли он переживает это утверждение «как парадокс», на что указывает А.Ф. Лосев. Доминирование однополой мужской любви объясняется маскулинностью древнегреческой философии и культуры. Отечественный мыслитель сам отмечает, что платонизм есть созерцание чистой идеи. Чистая же идея в сравнении с материей в платонизме есть мужское начало.

Нельзя не согласиться с тем, что в диалоге «Пир» имеет место «обстановка буквально кабака». Это подтверждается уже названием диалога. Пресытившись, участники договариваются много не пить («... все сошлись на том, чтобы на сегодняшнем пиру допьяна не напиваться...» [5, с. 85]) и заменяют пьянство разговором о любви («... а Эрота до сих пор никто еще не отважился достойно воспеть...» [5, с. 86]). Аристофан не может вовремя держать речь («... то ли от пресыщения, то ли от чего другого на него как раз напала икота...» [5, с. 94]). В конце разговора шумно входит пьяный Алкивиад («... в наружную дверь застучали так громко, словно явилась целая ватага гуляк...» [5, с. 123]). За Алкивиадом приходит «большая толпа веселых гуляк» («... поднялся страшный шум, и пить уже пришло без всякого порядка...» [5, с. 134]). Агафон, Аристофан и Сократ пьянствуют до самого утра («... пьют из большой чаши, передавая ее по кругу...» [5, с. 134]).

А.Ф. Лосев определяет «Пир» как «гнусное» и «отвратительное» произведение, «пакостную» и «мерзостную» трагикомедию. Он подчеркивает, что не стоит отождествлять платонизм и христианство. Чистый платонизм, то есть платонизм Платона, содержит ни чистую идеаль-

ность, ни чистый материализм, а индивидуальную и специфическую связь того и другого. Эллинское язычество и византийское православие – это два «до последней глубины» противоположные друг другу культурных типа», которые «анафематствуют» друг друга. Исследователь констатирует, что при абстрактном разложении социальное бытие состоит из идеи и материи. Реально существует не идея вещи и не материя вещи, но сама вещь – тождество идеи и материи. В свою очередь, тождество идеи и материи, неразлично и единично данное, есть символ. Таким образом, социальное бытие в диалектическом смысле являет собой вид символического бытия. Реальный символ дается материально (Восток), символически (Древняя Греция) и идеально (Средневековье). Средневековая культура личностна, духовна, а потому словесна, музыкальна и живописна. В православии главенствует идеально-личностный символ, в католичестве – символически-вещественный, в протестантизме – материально-вещественный. Платонизм – это не мертвая природа Востока и не личность Средневековья. Это живое тело. С Византией его роднит характер идеально понимаемого символа. Только Византия переносит эту идеально-символическую диалектику в сферу личностного духа. Рим же берет из платонизма отвлеченно-философскую схематику и делает своей основой «умеренный платонизм» – аристотелизм. В итоге своих рассуждений А.Ф. Лосев констатирует: «Апологет монахов и философ полиции, защитник рабства и мистического коммунизма, профессор догматического богословия, гонитель искусств и наук, заклятый враг семьи и брака, душитель любви и женский эмансипатор, мистик-экстатик и блестящий художник, проповедник казармы, аборт, детоубийства, музыкального воспитания души, педераст, моралист, строжайший аскет и диалектик – вот что такое Платон; и это все – диалектически-органическая целость, единый и цельный лик философа, единый и цельный стиль платонизма» [3, с. 904].

С нашей точки зрения, контраст обстановки и идей диалога «Пир» – от противного – лишь оттеняет силу и глубину мифа об андрогинах. Русские религиозные философы соединяют платонизм и христианство. Для них человек Восьмого Дня символизирует, прежде всего, преодоление пола, восстановление целостности. Образ и подобие Бога означает не мужской и не женский пол, а их единство – андрогин. Таким образом, любовь содержит в себе не столько аксиологический, сколько онтологический смысл. Это связь, единство и человека, и мира.

П.А. Флоренский [7] определяя грех как распад духовной жизни, находит такой контекст уже в платоновском диалоге. По мнению мыслителя, как будто таинственные нити связывают миф об андрогинах с библейским повествованием о сотворении человека. Изначально человек является целостным. Причиной распада становится самоутверждение. Если человек, уже отчасти распавшийся, продолжает утверждать собственное «Я», то его постигает новый и новый распад. Это можно сопоставить со следующими фразами диалога «Пир»: «Я разрежу каждого из них пополам... А если они и после этого не угомонятся и начнут буйствовать, я ... разрежу их пополам снова...» [5, с. 99].

Грех есть распутство, переход с пути на путь, блуждание по разным путям, а не по единственному и истинному. Единственный и истинный – это целомудрие. Само слово «целомудрие» указывает на неповрежденность, цельность человека. Противоположностью является развращенность, или развороченность. Развращенный человек – вывороченный наизнанку. Внутренние пласты, которые должны быть сокровенными, вывернуты наружу, а то, что должно быть открытым, – непосредственность и искренность – наоборот, прячется внутрь. Грех означает утверждение состояния «Я = Я», точнее, «Я!». Именно самоутверждение для П.А. Флоренского выступает корнем

всех грехов. Любой грех – его проявление или видоизменение. Если видение-ведение означает самотрансценденцию, перенос «Я» в «не Я», то грех, наоборот, закрывает для человека окружающий мир. Это невидение-неведение влечет за собой тьму. Нарушается принцип сердечности по отношению к миру. Грех – это чистая рассудочность, рассудок в рассудке.

По замечанию мыслителя, любого бога превращает в демона эгоизм. Эпохальность христианства и заключается в том, что в его основе находится идея любви. Во-первых, Бог по любви творит мир, добровольно ограничивает себя, ставит рядом с собой самостоятельное бытие, дарует ему свободу. Во-вторых, Бог по любви вступает в мир, принимает образ твари и подчиняется законам тварной жизни. В христианстве любовь – не просто признак Бога. Она – онтологический акт, субстанция. Бог – не столько «любящий», сколько «любовь».

Любовь символизирует собой полноту. «Я», истощаясь в «не Я», образует единую сущность. Вместо отдельных, разрозненных «Единиц», получается «Двоица» – двуединое создание, имеющее начало своего единства в Боге. Сущность этой «Двоицы» – любовь – прекрасна для созерцания. Как пишет П.А. Флоренский, исходной точкой единости для первого «Я» есть истина, для второго «Я», или «Ты», – любовь, для третьего же «Я», или «Он», – красота. Любовь «Двоицы» для третьего «Я» выступает именно как красота. Эта красота, в свою очередь, в третьем «Я» возбуждает любовь, а любовь дает ведение истины. Наслаждаясь красотой «Двоицы», третье «Я» любит и познает ее. Таким образом, это созерцающее «Я» восстанавливает тождественность созерцаемых ипостасей: первого «Я» как любящего и любимого, второго «Я» как любимого и любящего. Отдавая себя «Двоице», разрывая оболочку своей замкнутости, третье «Я» приобщается к единости всего в Боге. «Двоица» становится «Троицей». Это третье «Я» само является началом для новой «Троицы» и так далее. Оно может быть первым во второй «Троице» или вторым в третьей. Третьими «Я» все «Троицы» срastaются между собой в единую сущность. Все взаимоотношения любящих есть единый акт, в котором синтезируется бесконечный ряд отдельных моментов любви. Этот единый и бесконечный акт есть единство в Боге. Эта цель любви, начинаясь от Бога-Троицы, замыкается в неразрывное единство. Центром исхождения является пребывание Бога в человеке и человека в Боге. В любви каждое «Я» выходит из временной и пространственной ограниченности и входит в вечность.

Таким образом, статус личности обязательно предполагает необходимость самотрансценденции, любви. Любовь выступает смысловым стержнем жизни. Однако имеет место сомнение в действительности пола и половой любви в решении экзистенциальных проблем личности.

Представители русской религиозной философии создают концепцию любви, в основе которой находится принцип сублимации, или восхождения: от стадии эгоизма через половую любовь и любовь к обществу к стадии единения со всем сущим, с Богом. Стержневым моментом здесь выступает идея преодоления половой раздробленности – андрогинизма.

С одной стороны, в плоскости реального бытия обетования любви являются неисполнимыми. Во-первых, недостижимо андрогинное единство тела и души. Во-вторых, имеет место двойное противостояние мужского и женского принципов во внутренней, мужского и женского полов во внешней жизни. В-третьих, бесконечная смена поколений отнюдь не гарантирует личного бессмертия. В-четвертых, далеко не каждый человек преодолевает первую ступень – эгоизм, соответствует основному критерию любви – самопожертвованию. В-пятых, сложными являются и две последние ступени – любовь к обществу и миру, так

как здесь не ярко выражен избирательный и конкретный характер предметов любви. С другой стороны, русские религиозные философы справедливо замечают, что если идеальный смысл любви и не осуществляется в реальности, то это не означает его принципиальной неосуществимости. Человек словно разрывается двумя тенденциями: жаждой идеальной любви, сизигического соединения со всем сущим и осознанием невозможности этого в условиях реальной жизни.

На наш взгляд, в рамках данной проблемы можно выделить следующие перспективы исследований: анализ аксиологических модальностей – «экзистенции-в-любви» и «экзистенции-вне-любви», изучение соотношения базовых экзистенциалов и аксиологической наполняемости любви.

Литература

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики / Н.А. Бердяев // Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики / Н.А. Бердяев. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; Х. : Фолио, 2003. – С. 23–422.
2. Карсавин Л.П. Путь православия / Л.П. Карсавин. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; Х. : Фолио, 2003. – 557 с.
3. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1993. – 959 с.
4. Платон. Государство / Платон ; пер. с древнегреч. А. Егунов // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / Платон. – М. : Мысль, 1993–1994. – Т. 3. – 1994. – С. 79–420.
5. Платон. Пир / Платон ; пер. с древнегреч. С. Апт // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / Платон. – М. : Мысль, 1993–1994. – Т. 2. – 1993. – С. 81–134.
6. Соловьев В.С. Смысл любви / В.С. Соловьев // Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения / В.С. Соловьев. – М. : Современник, 1991. – С. 125–182.
7. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины / П.А. Флоренский. – М. : Правда, 1990. – Том 1 (I–II). – 840 с.

Аннотация

Кононенко Т. В. Проблема самотрансценденции: пол и половая любовь. – Стаття.

В статье рассматривается проблема пола и половой любви в русской религиозной философии. Любовь предстает как смыслодержатель стержень жизни, наиболее адекватная человеку, личности форма экзистенции, при которой восстанавливается изначальное единство и достигается бессмертие. Анализируется четырехступенчатая концепция любви, в основе которой находится принцип сублимации, или восхождения: от стадии эгоизма через половую любовь и любовь к обществу к стадии соединения со всем сущим, с Богом. Стержневым моментом данной концепции выступает идея преодоления половой раздробленности – андрогинизма. Исследуется положение русской религиозной философии о том, что образ и подобие Бога – это не мужской и не женский пол, а их единство. Акцентируется научно-теоретическое и практическое

значение комплексного анализа любви, исследования историко-философских аспектов становления и развития философии любви, изучения аксиологической структуры любви.

Ключевые слова: человек, самотрансценденция, пол, половая любовь, андрогинизм, сублимация.

Анотація

Кононенко Т. В. Проблема самотрансценденції: стаття і статеві любові. – Стаття.

У статті розглядається проблема статі і статевої любові в російській релігійній філософії. Любов постає як стержень життя, який містить у собі сенс, найбільш адекватна людині, особистості форма екзистенції, за якої відновлюється початкова єдність і досягається безсмертя. Аналізується чотирьохступенева концепція любові, в основі якої знаходиться принцип сублимації, або сходження: від стадії егоїзму через статево любов і любов до суспільства до стадії з'єднання з усім сущим, з Богом. Стержневим моментом цієї концепції є ідея подолання статевої роздробленості – андрогінізму. Досліджується положення російської релігійної філософії про те, що образ і подоба Бога – це не чоловіча й не жіноча стать, а їхня єдність. Акцентується науково-теоретичне і практичне значення комплексного аналізу любові, дослідження історико-філософських аспектів становлення й розвитку філософії любові, вивчення аксіологічної структури любові.

Ключові слова: людина, самотрансценденція, стать, статева любов, андрогінізм, сублимація.

Summary

Kononenko T. V. Self-transcendence problem: sex and sexual love. – Article.

The article dwells upon the problem of sex and sexual love reviewed through Russian religious philosophy. Love is regarded as a sense-loaded axis of life and an existence form that is most adequate for a person and personality. This form of existence enables initial wholeness restoration and immortality achievement. There is analysed four-grade conception of love based on sublimation principle, the latter being understood as ascending from egoism stage to fusion with all the existing matters and God through the stages of sexual love and love to society. The key moment of the conception is the idea of overcoming sexual factionalism in androgynism. There is also considered the thesis of Russian religious philosophy on image and likeness of God being neither masculine nor feminine but both in their unity. Scientific-theoretical and practical relevance of the complex analysis of love is also in the focus together with philosophy of love historical-philosophical aspects investigations on its establishment and development as well as with love axiological structure studying.

Key words: person, self-transcendence, sex, sexual love, androgynism, sublimation.